

Община Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 2-2008 (27)

Протопресвитер Александр Шмеман

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОТЧИЙ ДОМ

В третье воскресенье, приготовляющее нас к Великому Посту, мы слушаем чтение притчи о Блудном сыне (Лука 15, 11-32). В притче и в стихирах этого дня говорится о покаянии человека, возвращающегося из самовольного изгнания. Нам рассказывается о блудном (морально заблудившемся) человеке, который ушел в "далекую страну" и там истратил все, что он имел.

Далекая страна! Это единственное определение состояния человека, которое мы должны принять и усвоить, когда мы приближаемся к Богу.

Человек, который никогда этого не испытал, хотя бы только немного, который никогда не почувствовал, что он изгнан от Бога, от настоящей жизни, никогда не поймет, о чем говорит христианская вера. И тот, кто чувствует себя совершенно "дома" в этом мире, кто никогда не испытал мучительной тоски по другой Правде, никогда не поймет, что такое раскаяние.

Покаяние часто просто превращается в равнодушное, объективное перечисление грехов и прегрешений, как признание себя виновным перед законным обвинительным актом. Исповедь и разрешение грехов рассматривается как что-то юридически законное. Но при этом забывается что-то существенное, без чего ни исповедь, ни разрешение грехов не имеют ни настоящего значения, ни силы. Это "что-то" и есть именно чувство отдаления от Бога, от радости общения с Ним, от настоящей жизни, созданной и данной нам Богом.

Действительно, нетрудно признаться на исповеди, что не соблюдал постов, пропускал утром или вечером молитвы, сердился.

Но совершенно другое - это вдруг осознать, что я запятнал и потерял свою духовную красоту, что я далек от своего настоящего "дома", своей настоящей жизни и что что-то драгоценное, чистое и прекрасное безнадежно сломано в самой моей жизненной сущности. И однако это сознание, только это и есть настоящее покаяние и в то же время горячее желание вернуться назад, обрести вновь потерянный "дом". Я получил от Бога богатые дары: прежде всего - жизнь и возможность наслаждаться ею, наполнить ее значением, любовью, знанием; а потом - в Крещении - Новую Жизнь Самого Христа, дар Святого Духа, мир и радость Царства Небесного. Я получил знание Бога и в Нем знание всего прочего, силу и возможность сделаться одним из сыновей Божних. И все это я потерял и продолжаю все время терять не только в особых грехах и прегрешениях, но в наибольшем из всех грехов - в утрате моей

любви к Богу, в предпочтении "страны далекой" прекрасному дому Отца.

Но здесь Церковь напоминает мне о том, что я покинул и потерял. И, слушая ее голос, я вспоминаю. "Я безумно удалился от Твоей Отческой славы,- поется в кондаке этого дня,- с грешниками растратил данное мне богатство. Но взываю к тебе голосом блудного сына: согрешил я перед Тобою, Отче щедрый, прими меня кающегося, прими меня, как одного из наемников Твоих".

И когда я так все вспоминаю, я нахожу в себе и желание и силу вернуться: "...я вернусь к щедрому Отцу, со слезами взывая: прими меня, как одного из наемников Твоих..."

Надо обратить внимание и упомянуть здесь одну из литургических особенностей этого Воскресения Блудного сына. На утрени, после радостных и торжественных псалмов полиелея, мы поем полный тоски псалом 136:

На реках Вавилонских, тамо седохом и плахом, внемга помянути нам Сиона... Како воспоем песнь Господню на земле чуждей? Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну Тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего...

На реках вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе... Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя

(моя правая рука, со всей ее ловкостью и хитростью). Пусть прильпнет язык мой к гортани моей, если я не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего...

Это псалом изгнания. Его пели евреи в Вавилонском плену, вспоминая свой святой город Иерусалим. Он стал навсегда песнью человека, который осознает себя изгнанным от Бога и, сознавая это, становится вновь человеком, тем, который никогда не может найти полного удовлетворения в этом падшем мире, потому что по своей природе и призванию он всегда ищет, как паломник, Совершенства.

Этот псалом поется еще два раза, в последние два воскресения перед Великим Постом. Он открывает нам значение Поста как паломничества, покаяния - возвращения в дом Отца.

Фрагмент из книги Великий пост.

Уважаемые родители!

Вы, вероятно, прочли на нашей доске объявление, обращенное к вашим детям, по поводу их участия в выставке, которую предполагается провести в иерусалимской митрополии.

Мне думается, что необходимо некоторое ваше участие в этом событии, ведь не все наши дети вполне самостоятельны, чтобы поставить перед собой такую задачу, и вчитавшись в Евангелие, отразить его на бумаге.

Наша с вами задача не в том, чтобы помочь своему ребенку создать высокохудожественное произведение, пусть это будет весьма скромный рисунок, но глубоко прочувствованный, внутренне пережитый опыт встречи с библейским сюжетом.

Хорошо бы, перед тем, как отправить результат наших общих усилий в Иерусалим, устроить показ работ у нас, в приходе.

Для этого рисунки просьба принести не позже 23-го марта.

Юлия Борисовна Милакова.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

IV век

Путь отцов*

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ (†379)

Побережье Малой Азии было с давних пор заселено и освоено греческой культурой, но внутренняя часть земли Каппадокийской, нынешняя срединная Турция, оставалась захолустьем. Селения там были редки, нравы суровы, подобно тамошним долгим зима. Край этот поставлял рабов, а не ученых. Афиняне насмеялись над выговором и коверканой речью каппадокийцев. И сам Василий говорил замедленно, словно следил за своим слогом, выправленным в Афинах.

ХРИСТИАНСКАЯ КАППАДОКИЯ

Число христиан умножилось в этих краях с тех пор, как Григорий Чудотворец, ученик и друг Оригена, проповедал там Евангелие. С Г/в. Кесария приобщилась к культуре. По примеру других городов она обзавелась своими театрами, банями и празднествами. Родовитые семьи посылали наиболее одаренных детей в школы. Так было с Василием и Григорием Богословом. Каппадокия с лихвой наверстывала свою культурную отсталость. Она одновременно подарила Церкви трех совершенно исключительных мужей: Василия, брата его Григория Нисского, и друга Василия Григория Богослова.

Василий с рождения был отмечен судьбой. Семья его была христианской уже не в первом поколении. Отец - почтенный ритор, мать - набожная женщина. Особенное влияние на ребенка имела бабушка, двоя мученика, и старшая сестра Макрина, святая.

По-видимому, Василий не был крещен в детстве. Крещение детей к тому времени вышло из обычая: по этому можно судить о некоторой религиозной вялости даже и в самых верующих семьях. Пылкость времен гонений несколько поутихла.

Старший сын был от рождения слаб здоровьем и окружен вниманием. Судя по всему, это был любимый ребенок. Одарен он был на диво. Сперва его обучал отец. Затем его отправили в Кесарию, где он и подружился с Григорием Назианзином (Богословом). Ученики в то время точно так же, как и потом, в Средние века, перебирались из города в город, из школы в школу. Василий проходил выучку у константинопольских, затем у афинских педагогов; в Афинах, где царил универсальная ученость, юный каппадокиец мог восхищаться величием Парфенона и мягким закатом античности. Дружба Василия и Григория крепла, по свидетельству соучеников, они стали неразлучны.

Василий глубоко проникся классической культурой и, вернувшись в Кесарию, взялся за преподавание риторики. Светская жизнь и успех вскружили ему голову; но сестра его была на страже, она помогла Василию понять, насколько поработило его тщеславие. В конце концов, Василий, по его собственным словам, «очнулся словно от глубокого сна. Я почуял дивный свет, излучаемый евангельской истиной».

НОВООБРАЩЕННЫЙ

Несомненно, тогда-то он и принял крещение от тамошнего епископа. Он оставил свои занятия, пренебрег состоянием и удалился от мира на выучку к сирийским и палестинским монахам - прибежищу многих новообращенных. Нещадно изнуряя плоть, он усугубил болезнь печени и вконец подорвал здоровье.

Вернувшись из пустыни, подвижник обосновался в уединенной долине на берегу Оронта и вознамерился вести монашескую жизнь. Григорий присоединился к нему. Прежде всего они составили свод выдержек из Оригена под названием «Филокалия», воздав должное гению александрийской школы. В ту же пору Василий составил два «Монашеских устава», крайне важных для развития отшельничества; они и поныне лежат в основе религиозной жизни Востока.

В 362 г. молодой монах явился в Кесарию и присутствовал при кончине епископа Диания, который крестил его. Преемник Диания, отличавшийся богатством, но отнюдь не богословскими познаниями, понимал, сколь важно иметь под рукой толкового помощника. Он посвятил Василия в пресвитеры. Однако вскоре между ними вышла размолвка, епископ проявил себя не с лучшей стороны, и Василий удалился в свою обитель. Назианзин восстановил согласие, и друг его окончательно перебрался в Кесарию.

С той поры его обступили многообразные заботы, труднейшими из них оказались общественные. Ими-то и следовало бы заняться императорам IV в., вместо того чтобы мешаться в богословие! Но не таково обычное поведение деспотов. Землевладельцы безжалостно притесняли своих колонов - полурабов, полусвободных. После уплаты налога и десятины у них не оставалось ничего. В голодный 368 год нищета стала повальной. Василий описывает терзания отца, вынужденного продать одного из своих детей в рабство, чтобы спасти семью от голодной смерти. Ростовщичество, как ржа, разъедало общество. «Ты взимаешь не по человечеству. Нужда тебе на потребу, слезы в прибыток, ты душишь нагого, грызешь голодного».

*Отрывки из книги А.Аммана "Путь отцов", начало в №1-2006.

На иллюстрации: св. Василий Великий, фреска XIIв. из храма Панагия форбиотисса, Кипр.

Поразительно в эту эпоху отсутствие промежуточного слоя (поневоле приходит на ум сравнение с нынешними странами Латинской Америки): лицом к лицу встретились нищета и роскошь, ставшая повседневным надругательством над судьбой неимущих.

Василий подает пример: жертвует свое состояние беднякам и, по своему обыкновению, восстает против существующего положения вещей, против общественного устройства, несовместимого с христианской совестью. В проповедях он разъясняет великие социальные истины: о прирожденном равенстве людей, о человеческом достоинстве, о законности и границах обладания собственностью. В его уравновешенной доктрине обличалось не само богатство, но своекорыстие. «Иметь сверх надобности - значит обделять неимущих, значит воровать».

До нас дошел весь цикл его проповедей на общественные темы, они привлекают ясностью вероучения, основательностью аргументации, страстной выразительностью. И по сей день, хоть мы и живем в иных обстоятельствах, социальные наставления Василия сохраняют свою ценность и, увы, актуальность. Усвоить их - значит усвоить Евангелие бедняков.

К этому времени относятся и его беседы «На Шестоднев». Это девять великопостных проповедей о творении, о мироустройстве вселенной. Философия обогащена в его описании данными естественных наук - это как нельзя более отвечало особому характеру духовной любознательности кесарийского населения, среди которого было много работников и ремесленников. Отвечая их запросам, Василий делился с ними познаниями, почерпнутыми в Афинах, искал верный тон и доступную форму, дабы приобщить их к зрелищу Божьего мироздания.

Несмотря на все свое восхищение Оригеном, он обычно остается верен буквальному смыслу Писания, присовокупляя, впрочем, нравственные соображения, существенные в повседневной жизни. Наставления его выдержаны, как правило, в спокойном, доверительном тоне, но тон повышается, если он замечает, что слушатели внимают ему «как бы вчуже, без восторга перед чудным величием мироздания». «Шестоднев» Василия нашел особенно много почитателей. Несколько позднее им вдохновлялся Амвросий.

ЕПИСКОП

После смерти Евсевия (в 370 г.) Василий остался его предугазанным преемником. Однако избран он был не безоговорочно. Противники ссылались на его шаткое здоровье. «Вам нужен атлет или вероучитель?» - возражал престарелый епископ Назианский, отец Григория. Он и отстоял своего избранника.

Василию было сорок лет. Здоровьем он и в самом деле похвастаться не мог. Григорий описывает его так: «исхудалый от постов, изможденный от бдений, едва-едва во плоти, едва-едва во крови». Но он достиг вершины зрелости и был в расцвете умственных и духовных способностей. Дух его и нрав пребывали в полной гармонии. Он обладал зоркостью, мудростью и твердостью водителя, был создан для этого.

Он умел рассчитывать пределы возможного и упорно шел к намеченной цели. В упорстве своем он был вместе и стоек, и гибок, сочетая в себе неистовство Афанасия и хитроумие Кирилла. И все, что было в нем, поставил на службу Церкви и общему благу.

Характер его в полной мере проявился за девять лет епископства. Защищая веру, он неокружимо противостоял натиску императора Валента и после смерти Афанасия стал живым оплотом православия. Потеряв терпение, кесарь отправил к нему префекта Модеста - как следует пригрозить. Это не подействовало. Префект, тщетно пытавшийся урезонить его, признал свое бессилие:

«Со мной никто до сих пор не смел так разговаривать!»

«Видно, ты не встречался с епископами».

Василий вел себя на допросе мужественно и благородно, как мученик. В нем и текла кровь мучеников.

Авторитет епископа был так велик, что император не рискнул отправить его в изгнание. Это был вялый деспот; предпочитая действовать в обход, он решил отомстить епископу, разделив Каппадокию и тем умалив его власть. Вокруг Василия образовалась пустота. Еретиков поощряли и наускивали, приверженцев православия травили. Василий так описывает положение дел в одном из своих писем: «Скажем только, что это предел скорбей: народ покидает дома молитв и собирается в пустынях. Горькое зрелище: женщины, дети, старики, все, кому не хватает сил, страждут под проливными дождями, снегом и ветрами, на зимнем холоде и не менее того летом, в палящем зное. Терпят же за то, что обернулись арианской дурной закваски».

Император мог сколько угодно яриться, угрожать, карать - Василий не дрогнул. Он боролся делом и словом, обличив яростнейшего из приверженцев Ария, Евномия в «Трех книгах против Евномия» и в «Трактате о Духе Святом».

В довершение несчастий раскол сокрушил древнюю христианскую общину Антиохии. Чтобы положить всему этому конец, Василий, ратуя за единение, написал сперва Афанасию, затем обратился к папе: «Почти весь Восток, о досточтимый отец, сотрясает великая буря. Прежде мы всегда бывали утешены от чудотворной благодати вашей... Должно восстановить содружество Церквей Божиих».

Папа Дамас, получивший насмешливое прозвище Живчика (Vitabis), не удостоил Василия ответом, чем глубоко уязвил его. В одном из писем кесарийский епископ обрисовал Дамаса как «человека горделивого и высокомерного, судящего обо всем свысока и потому неспособного расслышать тех, кто из земных низин глаголет ему истину».

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Отцы - прежде всего податели слова Божьего. Повседневная обязанность епископа - готовить катехуменов к крещению, проповедовать своему народу. Василий принимал наставническую роль близко к сердцу. До нас дошли многочисленные назидания, рассуждения и панегирики кесарийского епископа.

Признанный мастер риторического красноречия, он умело совмещал его с ясностью мысли и трезвостью суждения. Стиль его по-гречески прозрачен.

□ Боле, чем кто-либо из Отцов, обучавшихся у софистов, он поставил их умение на службу истине.

Василий был образцом пастыря, неутомимым практиком вероучения. Моралист в высоком смысле слова, он объявил решительную войну личным и общественным порокам, неустанно пекся о воспитании христианских нравов в евангельской школе. Сообразуясь со своей миссией, этот епископ сделался тонким психологом. «Он ведал истоки недугов людских и был великим врачом душ», - справедливо замечает Фенелон.

Епископ Кесарийский был знатоком людей. Он знал, что богатые часто бывают благочестивы и воздержаны, но редко сострадательны. И он замечает: «Добротель, которая им более всего пристала, добротель милосердия, дается им труднее всего». Он оставил нам достойное Лабрюйера яркое описание разгневанного человека («Проповеди», 10, 2).

Занимаясь нравственными и общественными делами, он не упускал из виду и собственно богословских проблем. Арианская распря не давала забыть об их сугубой важности. Василий знал пристрастие каппадокийцев, даже и самых простых, к спорам и поиску истины и замечал: «Все жадным слухом ищут богословской беседы, и в церкви никогда не находят утоления этой жажды». Епископ трактовал богословские вопросы точно, остро и пронизательно.

Среди его проповедей есть одна, о которой стоит сказать особо, а именно трактат «К молодым людям об извлечении пользы из сочинений эллинских». Наставляя в учебе своих племянников, он разъясняет им, как читать языческих авторов и как соотносить их со Священным Писанием. Суждение Василия о классической культуре выдержало испытание временем. Изучая эту литературу, должно, говорит он, следовать примеру пчел, извлекающих мед и пренебрегающих ядом. Эта справедливая оценка и духовная широта Василия весьма повлияли на отношение Церкви к классической культуре. Трактат был особенно популярен во времена Возрождения. Новейшие его переводы существуют и в наши дни.

ЕПИСКОП-БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Василий не ограничивался проповедью социальной справедливости. Он хотел доказать на примере, что можно одолеть нищету и организовать благотворительность, и сам взялся за дело. Он воздвиг неподалеку от Кесарии новый город, которому народ присвоил имя Василиада. Епископ описал его в послании к Илии, правителю Каппадокии.

«Говорят, будто мы действуем наперекор общему благу, воздвигнув Господу нашему храм великолепной постройки, а окрест него жилые помещения: особое, сугубо просторное, для архипастыря, иные, помене, для младших служителей Господних по чинам их, помещения, равно пригодные и для вас, начальствующих, вместе со свитой вашей. Кому же сделали мы зло, соорудив пристанища для чужестранцев, для проезжих и для всех лишенных крова, держа для немощных сиделок, врачей и вьючный скот с проводниками? Такое поселение испытывает нужду в мастеровых, владеющих ремеслами, для жизни необходимыми и иными, скрашивающими жизнь. И вот понадобились другие, промысловые строения, и все сие послужило ко украшению местности и к вящей славе наших правителей, которым оттого почет».

Там был постоянный двор, богадельня и больница с особым помещением для заразных больных, потом прибавились жилища для мастеровых и прислуги - так возникло образцовое трудовое предместье, где кормили бесплатно. Василий послал указания подчиненным иереям так же действовать в своих провинциях.

Ему было тесно в пределах Кесарии. Невзирая на слабое здоровье, он навещал отдаленнейшие приходы, затерянные в горах, строжил непримечательных священнослужителей, разделялся с дурными обычаями и причудами монахов. Все это требовало такта, исключало нажим. Перед государством он отстаивал неприкосновенность священнослужителей. С риском для своей репутации он приютил вдову, которая не чаяла спастись от домогательств одного чиновника. Префект взял сторону своего подчиненного и призвал епископа на судилище. Известие это распространилось по городу. Ремесленники выскочили из мастерских, прихватив свои орудия; женщины неистовствовали. Разъяренная толпа окружила дворец и готова была броситься на префекта. Тому не оставалось ничего другого, как поручиться за безопасность епископа. За Василием, столь же спокойным в дни испытаний, сколь скромным в час торжества, опять осталось последнее слово.

ПЕРЕПИСКА

Епископ Кесарии оказал решающее влияние на структуру обряда. Его именем названа литургия св. Василия Великого, несомненно, составленная в Антиохии: он лишь расширил ее и сделал одним из шедевров греческого богослужения. Она и поныне совершается в восточных церквях, входя в состав некоторых праздничных служб.

Переписка Василия, одна из самых обширнейших - она насчитывает 300 писем, - дает живое представление о его деятельности и о его культуре, помогает нам разгадать этого человека, зримо представить его образ.

Собственно говоря, письма он писал на протяжении всей жизни, но две трети их относятся ко времени епископства. Можно заметить, что поначалу Василий был не чужд некоторым красотам стиля. Адресаты его многочисленны и разнообразны: епископ Амвросий, епископы Италии и Галлии; немало и дружеских писем. Василий был наделен даром дружбы, он умел поддержать, ободрить, посоветовать. Он утешает друзей, родителей, потерявших детей, поддерживает христианский дух в омраченных или осажденных еретиками священнослужителях, помогает церквям, лишившимся пастыря, улаживает размолвки и указывает путь к совершенствованию.

Как и друг его Григорий, он написал немало рекомендательных писем. Всегда готовый оказать услугу, он защищает вдову от взимания налогов, препоручает нищих и голодных заботам сановников, заступает за город, за друзей. Переписка с Ливанием, знаменитым ритором, - образец отношений между мужем Церкви и закоренелым язычником.

В других письмах - о богослужении, о богослужении - он снова и снова возвращается к спорным вопросам. Его интересует отношение веры к разуму, истоки нашего познания Бога. В одном письме он объясняет, как следует причащаться, в другом - как должно совершать обряды.

Обширная переписка открывает нам его человеческие свойства: прямоту и логическую безупречность суждений, реалистический взгляд на вещи, повышенное чувство ответственности, твердость и вместе с тем очевидную чувствительность. Ибо, при всем самообладании, он оставался человеком мягким. В нем не было ни жесткости повелителя, ни суровой отрешенности аскета. Он высоко ставил дружбу, но был готов ею пожертвовать, если того требовал долг или общественное благо. Он понимал, что должен быть опорой для других.

Он любит получать письма, просит, чтобы ему сообщали новости. Письма для него радость и утешение: ведь ему часто и подолгу приходилось страдать в полном уединении. Но он знал, что это - сопричастность Его страданиям.

ЛИЧНОСТЬ

Василий оставил нам свидетельство своей растерянности, когда его друг Евстафий предал его: «Сердце мое стеснено, язык не повинуется, в руках нет силы, мужество оставляет меня. Я едва не возненавидел род человеческий, не усомнился в дружбе людской». Это письмо говорит само за себя. Испытание длилось три года, и все это время Василий безмолвно страдал.

Чужое горе глубоко трогало его: он лил слезы вместе с плачущими, находил самые точные, самые сердечные слова, когда это требовалось. Матери, потерявшей сына в расцвете лет, он писал: «Я хотел было хранить молчание и не писать вам, сказав себе: самые смягчительные снадобья лишь раздражают воспаленное око; слова утешения докучны тому, кто погружен в бездну скорби, и язвят, пока рана еще кровоточит... Я понимаю, каково сейчас материнскому сердцу, и зная вашу всегдашнюю доброту и кротость, сознаю, какое страдание принесло вам несчастье, вас постигшее».

Он из тех людей, кто в письмах умел остаться самим собой. Умер Василий преждевременно, истощенный подвижничеством и измученный неудачами; ему было всего пятьдесят лет. Нынешние епископы в этом возрасте лишь начинают свою деятельность. Победа была близка, Василий до нее не дожил, но сделал для нее все. Похороны его были всенародными, народ понимал, кого утратил. За десять лет он успел достойно проявить себя и стал несравненным образцом епископа.

В манускрипте Ватиканской библиотеки Василий изображен худым и высокорослым; монашеская борода, полувывбритая голова, у висков морщины, взгляд мыслителя. Выговор у него был медленный: сам он считал, что виной этому его происхождение, неправильный язык каппадокийской уличной речи, который он слышал с детства. Он с трудом одолевал робость, когда приходилось участвовать в публичных дискуссиях. Бестрепетное мужество не было его природным свойством, но далось ему по вере его. Жизнь его изобиловала неудачами и противостояниями. Его то и дело не понимали, оказывали сопротивление. Для неистовствующих он был чересчур спокоен и расчетлив, для робких и вялых - чересчур бранелюбив.

По характеру он был склонен скорее к созерцательности, нежели к активности. Однако в отличие от Иоанна Златоуста не тяготился обязанностями епископа и архипастыря. Начальствование было подстать этому монаху, как и Амвросию. Самообладанием, целеустремленностью и волевой закалкой он превосходил Григория Богослова, но значительно уступает ему в силе воображения и непосредственности. Он не был рожден трибуном и воителем, как Афанасий: Василий куда мягче, он склонен соразмерять, рассуждать - лишь бы выиграло православие. Более всего он схож с Амвросием. Но миланскому епископу недостало широкой образованности Василия и силы его богословской мысли.

В истории Церкви можно сыскать ровню епископу кесарийскому; нельзя утверждать, что он был непревзойденным. Но современники самочинно стали называть его - одного его - Великим. С течением времени это прибавление к имени не только не отпало, не забылось, но напротив, закрепилось за ним. Редкое имя в веках бывало столь заслуженным.

Богатый обязан столько же считаться с нуждами бедняков, сколько со своими собственными. Избыток имущества есть ущемление бедности. Скупец подобен ворю.

ШЕСТАЯ ПРОПОВЕДЬ ПРОТИВ СТЯЖАТЕЛЬСТВА

«Что в том худого,- говорит скупец,- что я сберегаю свое добро?» Но что это за добро, скажи мне, которое ты зовешь своим? Откуда оно взялось? Ты подобен человеку, который, пришед в театр, уселся сам, не хочет впускать никого более и намерен в одиночку усладить себя зрелищем, для всех предназначенным. Не таковы ли суть стяжатели: скопив общее добро, они объявляют себя его хозяевами по праву первообладателей. Если бы каждый оставил себе лишь потребное на текущие нужды, а избыток раздал немущим, то не было бы ни богатства, ни бедности. Не нагим ли явился ты из материнского ложа? Не нагим ли снова низойдешь в землю? А твое нынешнее добро, откуда же взялось оно? Ответишь ли: «по велению удачи», и скажу тебе, что ты нечестивец, ибо не признаешь своего Создателя и платишь неблагодарностью Тому, Кто на тебя призрел. Ответишь ли, что все сие дано Господом, объясни тогда, почему ты им владеешь. Не скажешь ли, что «неправеден» Господь, неравно наделив тех и этих благами земными? Почему ты богат, а ближний твой беден? Не для того ли единственно, чтобы твоя доброта и бескорыстное хозяйствование возымели награду свою, между тем как бедный был бы убоголюбивым щедрыми дарами, обещанными ему по долготерпению?

И ты, в ненасытимой алчности укрывающий от людей блага сии, ты будто бы никого не утесняешь, урывая кусок от стольких страждущих? Что есть скупец? Тот, кто алчет сверх надобности своей. А что есть вор? Тот, кто похищает и обездоливает. Итак, ты скупец? Не вор ли ты? Быв поставлен хозяйствовать добром, ты присвоил его. Совлекающий с людей одежды их называется грабителем. А тот, кто мог прикрыть наготу нищих и не прикрыл ее, заслуживает ли другого имени?

Голодным причитается хлеб из твоих закромов. Нагому - одежды, схороненные в укладках твоих. Босому - обувь, которую ты гноишь впустую. Неимущему - деньги, зарытые тобою в землю. Скольким ты мог помочь, скольких ты и обездолил.

Хороши увещевания, скажешь ты, да золото, пожалуй, получше. Так же и с распутниками, призываемыми к воздержанию: поноси его любовницу, и оживишь ее в его памяти, и лишь разожжешь в нем похоть. Как мне явить глазам твоим страдания бедняков, чтобы услышал ты стоны из-под сокровищ своих? О! Сколь отрадны будут ушам твоим в Судный день слова сии: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня... был наг, и вы одели Меня» (Мф 25, 34-36). Дрожь охватит тебя, пробьет холодный пот, и во мрак ввергнешься, вняв, наконец, приговору сему: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня... был наг, и вы не одели Меня» (там же, 41-43).

И не сама алчность твоя погубит тебя, а твое любостыжательство в ущерб ближнему.

Сказанное тебе сказано ради тебя же: услыши - и воочию узришь обещанное тебе воздаяние. Не услышишь - живи под угрозой. Понадеемся, впрочем, что не сбудется сие к вящей скорби твоей. Обратись же ко благовому деланию, и да станут богатства твои ценою спасения твоего, да обретешь с их помощью небесное воздаяние, тебе уготованное. Помилуй нас Господи, завещавший нам Царство Свое, Его же сила и слава во веки веков. Аминь.

Клайв Льюис ПОСЛЕ ЧИСТОПЛОУЙСТВА

Конечно, чистоплюйство — вещь страшная, и чем нравственней оно, тем страшнее. Нехорошо избегать человека потому, что он беден или уродлив, или глуп, но совсем ужасно избегать его потому, что он плох (а мы, значит, лучше). Тему эту можно развивать до бесконечности: ханжи... викторианцы... фарисеи... притча о мытаре... Словом, все идет само собой. Поверьте, я с трудом остановился. Однако, вопрос в том, чем мы все это заменим. Давно известно, что частные пороки служат общему благу. Значит, убирая порок, надо заменить его добродетелью, которая послужит тому же благу. Убрать чистоплюйство мало; нужно что-то еще.

Мысли эти возникли после привычного разговора — приятель рассказал мне о званом обеде, на котором был некий Клеон. Мой приятель — человек добрый и честный, Клеон — безнравственный писака, распространяющий за деньги ложь, рассчитанную вызывать зависть, злобу и смуту. Во всяком случае, мне так кажется. Но дело не во мне. Дело в том, что мой друг для того и начал разговор, чтобы сообщить мне еще какую-то гадость про Клеона.

Вот куда мы попали, отменив чистоплюйство. Один человек считает другого мерзавцем, но обедает с ним как ни в чем ни бывало. Прежде, среди ханжей, Клеон был бы вроде блудницы. Он znalся бы только с клиентами, коллегами и стражами порядка. Если бы общество было разумным (это бывает), его бы ставили ниже блудниц. Целомудрие души важнее, чем целомудрие тела. Радости, которые доставляет Клеон, — ниже; болезни, которыми он заражает, — хуже. А мы обедаем с ним, пьем, шутим, пожимаем ему руку и, что ужасней всего, читаем его статьи.

Не думаю, что мы стали добрей. Мы общаемся с ним не из милосердия, как общался бы с блудницей священник. Вряд ли христианская любовь к злодею пересилила в нас христианскую ненависть к злу. Мы и не притворяемся, что любим его; я ни разу не слышал о нем доброго слова. Что же до подлости, мы принимаем ее, разве что усмехнемся или пожмем плечами. Мы утратили бесценный дар нравственного ужаса, который всегда отличал человека от животных. Короче говоря, мы не выше, а ниже чистоплюйства.

Клеону это очень выгодно. Даже если подлость ровно так же выгодна, как благородство, многие выберут ее. Но Клеону и выбирать не надо. Наслаждаясь всем тем, что дает непрестанное восполнение ущербности, он вхож в приличное общество. Чего же ожидать? Клеоны расплодятся, мы — погибнем. При демократии они перекроют путь общественному мнению, и оно не сможет быть честным. При тирании (упаси нас Господи!) они станут самыми жестокими и грязными ее орудиями.

Вот я и предлагаю: будем чуждаться их как последние чистоплюи. Собственно, не такое уж это чистоплюйство. Нас обвинят, Клеон первый, в том, что мы считаем себя “лучше”. Звучит ужасно, но так ли это?

Если я встречу пьяного и отведу его домой, я покажу тем самым, что трезв, и в этом смысле — лучше. Но как ни крути, дело только в том, что я могу идти прямо, а он не может. Нет и речи о том, что я лучше в каком-нибудь другом смысле. Незачем напоминать мне, что он смел, добродушен или благороден. Очень может быть. Дело не в этом.

Вот мне и кажется, что можно (и нужно) избегать Клеона с его статьями, ни в малой мере не предполагая, что мы лучше его. Вполне возможно, что по сути своей выше и лучше он. Мы не знаем, как дошел он до подлости, как боролся, почему сдался. Плохая наследственность... травля в классе... ужасная жена... А может, искренняя убежденность — желание победить — первая ложь — а там и ложь как профессия. Бог свидетель, я не говорю, что на месте Клеона был бы лучше, чем он. Но сейчас профессиональный подлец он, а не я; он, а не мы — и всё тут. У нас сотни пороков, которых нет у него, но в одном отношении — да, мы лучше.

Случилось так, что именно его недостаток отравляет страну. Помешать этому надо. Закон — не может, закону и нельзя давать такое право. А вот общественное мнение вправе поставить санитарный кордон. Читать его статьи будут только такие, как он, и вред пойдет на убыль.

Казалось бы, не так трудно отказаться от газеты, которую вы поймали на лжи: сперва не читать ее, а там и не покупать. Но как это редко бывает! Снова и снова я слышу от хороших людей, что “надо же быть в курсе”. Нет, не надо. Чтобы знать, что пишут люди плохие, придется покупать их газеты — другими словами, эти газеты поддерживать, то есть поддерживать зло. Иногда опасно не ведать зла, но не здесь, ибо это зло гибнет, когда о нем не ведают.

Вы скажете: что толку, все равно кто-то купит. Клеона читают и подлецы, которым нет дела до истины. Да, конечно. Но я не уверен, что их так уж много, во всяком случае, их недостаточно для того, чтобы удержать его на плаву. В том-то и дело, что держат его не подлецы, а честные люди. Может, оставим его один на один с подлецами? Ну, хоть лет на пять... Вряд ли он выдюжит. А начнем сейчас, сегодня.

* * *

Перевод с английского Н. Трауберг.

Иосиф Бродский Сретение

Анне Ахматовой

Когда она в церковь впервые внесла
дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял младенца из рук
Марии; и три человека вокруг
младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом
свет падал младенцу; но он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

А было поведено старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: “Сегодня,

реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
Дитя: он - твое продолженье и света

источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в нем”.- Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала. “Слова-то какие...”

И старец сказал, повернувшись к Марии:

“В лежащем сейчас на раменах твоих
падение одних, возвышение других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
И тем же оружием, Мария, которым

терзаема плоть его будет, твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах человеков, как некое око”.

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
Он шел, уменьшаясь в значении и в теле

для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами, он
шагал по застывшему храму пустому
к белевшему смутно дверному проему.

И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг придержал свой немного:
но там не его окликали, а Бога

пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежда и чела
уж ветер коснулся, и в уши упрямо
врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству, лишенному тверди,

он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою,

как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширилась.